

ШЕЛКОВАЯ КИСТОЧКА

НОВОСИБГИЗ - 1940

ОТВЕЧЕНО

СС (182)

Ш 43

Ш 43

ШЕЛКОВАЯ КИСТОЧКА

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

Шелковая
Кисточка
Лиса-сваха
Боро-чуда
Семиголовый
Дельбеген

ОБЛАСТНАЯ
№ 40199
БИБЛИОТЕКА

47859 064
✓ 2р.
0

НОВОСИБИРСКОЕ • ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1940

Все сказки, вошедшие в этот
сборник, представляют собою
вольную обработку сюжетов ой-
ротских народных сказок.

94

НИК. ТИТОВ

ШЕЛКОВАЯ КИСТОЧКА

Между гор далеких,
Острых и высоких
Со своей старухой
Мирно жил старик.
Глушь кругом лесная,
Речка голубая
Да в выси глубокой
Звонкий птичий крик.

Жизнь была бы тусклой
Здесь, в долине узкой,
Дымным бы казался
Старикам очаг,
Если б не родная,
Нежная, живая,
С темными глазами
Дочь Торкó-Чачак.

За оттенок мглистый
Кос больших волнистых
Шелковою Кисточкой
Стали звать ее.
Юноши при встрече
В восхищенной речи

Сердце изливали
Жаркое свое.

Девочку завидя,
У порога сидя,
Молодел душою
Старый бородач.
Женщина, случайно
Взор подняв печальный,
Об умершем сыне
Прекращала плач.

... Как-то раз, весною,
Разбудив с зарею
Шелковую Кисточку,
Говорит ей мать:
„Заболел отец твой.
Видно, по соседству
Ходит смерть... К больному
Надо кама звать“.

Дочь бежит долиной.
Голос лебединый

К ней с озер широких
Льется, как привет.
Незабудки с лаской
В светлосиних глазках
Девочке-смуглянке
Долго смотрят вслед.

На горе высокой
Хитрый и жестокий
Жил рабами верными
Окруженный кам.
Никого донине
Не было в долине,
Кто б посмел перечить
Злым его словам.

Молча, с содроганьем
Кама приказанья
Слуги выполняли...
Охраняя стан,
Даже псы цепные —
Волкодавы злые, —
Чуть завидев кама,
Прятались в бурьян.

На кошме отменной
Кам сидел надменный.
Арака хмельная
Пенилась и жгла.
Трубка чуть дымила.
Вдруг к дверям аила
Шелковая Кисточка
Робко подошла.

Кам взглянул. И разом
Покатились наземь
Выгнутая трубка,
Чашка с аракой.
По горам немало
Ездил кам бывалый,
Но нигде не видел
Девочки такой.

Он в оцепененье
Смотрит на цветенье
Схожего с зарею
Юного лица.
Восемь раз уныло,
Тихо повторила
Девочка рассказ свой
Про болезнь отца.

Наконец очнулся
Кам. Не спав, проснулся.
„Так и быть, приеду“, —
Девочке сказал.
После долго-долго
Вслед глядел с восторгом,
Сам себе в раздумьи
Что-то бормотал.

А на утро рано,
Только из тумана
Первый луч, прорвавшись,
Луг озолотил,

Крики прозвучали:
„Едет кам! Встречайте!“
Кам вошел безмолвно
К бедняку в аил.

Кто-то бубен темный,
Гулкий и огромный
К потолку подвесил,
И костер под ним
Из пахучих веток
Ярким самоцветом
Вспыхнул, вскинув кверху
Ароматный дым.

И до ночи черной,
Словно коршун горный,
Кам сидел в аиле,
Вслушиваясь в тишь.
Вместе с ним молчали
Полные печали
Бедные ойроты
Стойбища Аргыш.

К полночи без слова
Кам взглянул сурово
На людей, поднявшись
В зареве огня,
И движеньем грубым
Он накинуд шубу,
Шапку нахлобучил,
Бусами звеня.

Вдоль тяжелой шубы
Висли, скаля зубы,
Два десятка мертвых
Высушенных змей.
Бубенцы звенели.
Выводили трели
При движеньи каждом
Всё сильней, сильней.

Началось камланье.
Затаив дыханье,
Все вокруг застыли,
Ощущая страх.
Воя, приседая,
В бубен ударяя,
Кам кружился дико
В отблесках костра.

Бубен громче стонет.
В бубенцовом звоне,
Весь дрожа, бормочет,
Задыхаясь, кам.
„Говорит он с богом!“ —
Шопот у порога
Пролетел, как шорох
Ветра, по устам.

Кам раскинул руки.
Стихли бубна звуки.
Он к костру садится,
Грозный и седой.
Люди вокруг толпятся.
Трубку дать боятся.
Угостить не смеют
Кама аракой.

Женщина подносит
Каму на подносе
Сердце молодого
Горного козла.
Кам глотает мясо
И рокочет басом:
„Шелковая Кисточка —
Воплощенье зла!

Бойтесь, бойтесь, люди!
Вас она погубит.
Вымрут ваши дети,
И падет ваш скот.

Травы пожелтеют,
Речки обмелеют,
А больной сосед ваш
Через день умрет“.

Кто-то крикнул: „Кто же
Нам в беде поможет?“
Кам сказал: „Девица
Умереть должна.
Посадите в бочку
Артыкбаша дочку,
Да забросьте в реку.
Пусть несет волна“.

Кам уехал быстро.
Только ярко искры
Из-под ног сверкнули
Рыжего коня.
Дома он сзывает
Слуг. И начинает
Свой наказ коварный,
Бусами звеня:

„Вы к реке ступайте,
Бочку вы поймайте,
Да в аил несите
Мне ее тотчас.
Сами в лес идите.
Трое суток ждите.
Чтобы трое суток
Я не видел вас.

Плач иль крик тревоги
Услыхав в дороге,
Вы назад — не смейте!
Дорог мне покой.
А теперь идите.
За рекой следите“.
И на берег слуги
Кинулись толпой.

Тихо, мрачно было
В стойбище унылом.
Страшным всем казался
Кама злой приказ.
Все же сядят в бочку
Артыкбаша дочку
И спускают в реку
В предрассветный час.

В дальнюю дорогу,
Накренясь немного,
Полетела бочка
По седой реке.
Волны крик несчастной
Заглушили властно.
Голос одинокий
Сгинул вдалеке.

Там, где злая речка
Выгнулась в колечко,
С берега рыбачил
Юный Балыкча.
Он сидел безмолвно.
Вдруг увидел — волны,
Пеною курчавясь,
Бочку быстро мчат...

Парень, удилище
Бросив, лодку ищет.
Лодки нет. И в воду
Прыгает рыбак.
Он добычу ловит,
На берег выходит
И улов богатый
Крутит так и сяк.

Очень удивленный,
У сосны зеленой
Он кладет добычу.

Днище топором
Ловко выбивает.
Ахнув, застывает:
Чей-то голос нежный
Льется серебром.

Девочка выходит.
Изумленно водит
Темными глазами.
Юный рыболов
Думает в смущеньи:
„Что за навожденье!“
И, волнуясь, долго
Не находит слов.

В шалаше зеленом
Был рассказ спасенной
Выслушан с волненьем.
И тогда рыбак,
Песню напевая,
В бочку закрывает
Самую презлую
Из своих собак.

Напрягая зренье,
Ходят с нетерпеньем
Посланные камом
Люди над рекой.
Видят — будто точка.
Ясно — это бочка!
В реку слуги бросились
Со скалы крутой.

Бочку притащили
К каму. И в аиле
Он один остался,
В лес отправив слуг.
Вдруг раздались крики...
„Кличет кам великий!..“ —

Старый раб промолвил,
Чувствуя испуг.

„Знать, приказ суровый,
Ты, седоголовый,
Позабыл!“ — другие
Слуги говорят.
И три дня блуждали,
Кама проклинали
Люди. На четвертый
Двинулись назад.

Подошли к аилу.
Всюду тихо было.
Дверь открыв, не верят
Собственным глазам:
Изогнувшись странно,
Весь в кровавых ранах
На земле валялся
Страшный, мертвый кам.

У реки студеной
В шалаше зеленом
Шелковая Кисточка
Весело живет.
Бегаёт проворно
По тропинкам горным,
Рыбаку со смехом
Песенки поет.

Юноша счастливый
Над рекой бурливой
С удочкою верной
Больше не сидит.
С девочкою рядом
Ходит. Нежным взглядом
Ей в глаза большие
Целый день глядит.

Как-то он услышал:
„Знаешь, милый, вышел
Твоего улова
Небольшой запас“...
Парень удилище
Деловито ищет,
С маленькой хозяйки
Не спуская глаз.

Он к реке уходит,
Там бесцельно бродит,
Удилище бросив
И закрыв глаза.
Одного он хочет:
Поглядеть ей в очи.
И бежит поспешно
Балыкча назад.

Он кричит, тоскуя:
„Видишь, не могу я,
Нежная подруга,
Удиль без тебя.

Пусть стучится голод,
Пусть нагрянет холод,
В шалаше готов я
Умереть, любя“.

Девочка на это
Не дала ответа.
Лишь сказала: „Рыба
Будет на обед!“
И тотчас плутовка
Вырезала ловко
Из бересты тонкой
Собственный портрет.

Палку раздобыла.
К ней портрет прибила.
И воткнула палку
В грунт береговой.
Балыкча рыбачит.
Сам с собой судачит.
Палку нежно гладит
Левою рукой.

Как-то на рыбалке
Волны смыли палку.
По реке бурливой
Вниз уплыл портрет.
Девочка горюет,
Плачет и тоскует,
И дает, подумав,
Балыкче совет:

„Кто найдет берёсту,
Тот отыщет просто
К шалашу дорогу
И тебя убьет.
Уходи отсюда.
Я не позабуду
О тебе. Твой облик
Время не сотрет.

Не страшна невзгода.
Лишь пройдет три года,
Сшей ты козыю шубу,
Сядь ты на быка.
Поезжай ты прямо
Берегом песчаным.
Путь тебе укажет
Быстрая река“.

У речного устья,
В горном захолустье
Властвовал богатый
Старый Кара-хан.
Глупый да спесивый,
Жадный да ленивый,
Он ходил вразвалку,
Жирный, как баран.

Из долин туманных
Слуги Кара-хана
Привели однажды
Скот на водопой.
Пастухи умыться,
Отдохнуть, напиться
Подошли к речушке
Шумною гурьбой.

Раб один нагнулся.
Быстро обернулся.
Крикнул, сжав бересту:
„Что за чудеса!“.
Смотрят все. И каждый
Позабыл про жажду.
Убежали овцы
В темные леса.

Топот вдруг раздался.
К пастухам примчался
Злобный повелитель
На лихом коне.

Он грозит. Но где там!
Слуги над портретом
Сгрудились, недвижны,
Словно в полусне.

Хан кричит им: „Разве
Вам сегодня праздник?
К табуну сейчас же!“
Выхватив портрет,
Глянул, закачался,
Берегом помчался.
Сто его алынов
Поскакали вслед.

И в шалаш далекий
Кара-хан жестокий
Прискакал с рабами.
Быстро на коня
Девушку он садит
И, в глаза ей глядя,
Скакуна торопит,
Стременем звеня.

Гонит что есть силы.
Вечером к аилу
Окруженный свитой
Возвратился хан.
Девочка молчала.
Думал хан сначала,
Что ее пугает
Незнакомый стан.

Но проходит месяц,
Два, четыре, десять.
Год, другой проходит —
Девушка молчит.
Кара-хан суровый
Часто хмурит брови:
Как для уст закрытых
Подобрать ключи?

За молчанье это
Кара-хан со света
Девушку другую
Сжил бы! Но теперь
Ходит тенью черной,
Словно пес покорный,
Девичьей красою
Усмиренный зверь.

Как-то утром рано
Зазвенел по стану,
Словно колокольчик,
Серебристый смех.
Мчится что есть силы
Кара-хан к аилу,
Развернув по ветру
Шубы лисий мех!

Девушка хохочет!
Повелитель хочет
О причине смеха
Поскорей узнать.
Говорит девица:
„Как не веселиться,
Глянь-ка на дорогу...
Как не хохотать?!“

В шубе кверху мехом
По дороге ехал
На быке огромном
Парень молодой.
Кара-хан счастливый
Вдруг сказал шутливо:
„Милая, посмейся
Так же надо мной!“

К Балыкче подходит
Кара-хан. Поводья
Резко вырывает
Из рыбацких рук:

„Ну, сходи с быка ты!
Властелин богатый
Вылечит скорее
Девушки недуг“.

Кое-как на спину
Козий мех накинув,
Кара-хан ногою
Лихо стремя взял.
Не успел в другое
Правой встать ногою, —
Бык, сверкнув глазами,
Резво поскакал.

Бык долиной мчится,
Рядом волочится
Всадник, не сумевший
Усидеть на нем.
Весь народ собрался.
Каждый восхищался
Умным, быстроногим,
Скачущим быком.

По траве колючей
Долго бык могучий
Взад-вперед носился,
Сбросив повода.
Сердце Кара-хана —
Жирного барана —
Лопнуло от страха,
Может — от стыда.

И в шалаш зеленый
Балыкча влюбленный
С девушкой уехал.
Затерялся след.
Долго они жили.
Вспоминать любили *
Радости и горе
Промелькнувших лет.

ЕВГ. БЕРЕЗНИЦКИЙ

ЛИСА-СВАХА

Через горы и долины,
Через темные леса
Долго шла, не отдыхая,
Красно-бурая лиса.

Голодна была лисица.
Пообедать бы пора,
Но в лесу у каждой мыши
Есть глубокая нора.

Ноги быстрые у зайцев,
Крылья птиц еще быстрее.
А лисицу час от часа
Голод мучает сильнеей.

Мышь сидит в норе глубокой,
Заяц скрылся в тальнике,
Высоко сидит сорока
На березовом сучке.

Что же, — думает лисица, —
Неудачам быть не век"...
Тут как-раз ей повстречался
Бедный мальчик Оскюзек.

„Здравствуй, мальчик одинокий!“
„Здравствуй, добрая лиса!“
„Ты куда шагаешь, мальчик,
Через горы и леса?“

Говорит лисице мальчик:
„Видишь, плохо я одет.
Я сиротка. Очень беден.
Ни родных, ни близких нет.

По горам, лесам дремучим
Я спешу в далекий стан.
Свадьбу дочки там справляет
Грозный хан Каратыхан.

Сирота, на пышной свадьбе
Я незваный буду гость.
Все ж дадут на пышной свадьбе
Корку хлеба или кость“.

Говорит лиса: „Я рада
Нашей встрече, Оскюзек.
На пути твоём далеко
Много гор, лесов и рек.

Быть товарищем хорошим
Я могу тебе в пути.
Ты возьми меня с собою:
Веселей вдвоем идти“.

„Что ж, давай, друзьями будем“,—
Отвечает Оскюзек.
Стали добрыми друзьями
Зверь лесной и человек.

Через горы, через реки,
Через темные леса
Находила путь короткий
Наша хитрая лиса.

В дальний стан Каратыхана
Два товарища брели,
Разговоры меж собою
Два товарища вели.

Быстро, весело шагали.
Только долог дальний путь,
И у старого аила
Порешили отдохнуть.

Посидели, отдохнули.
Вдруг лисица говорит:
„Здесь в покинутом аиле
Клад, наверное, зарыт.

Испытаем наше счастье:
Откопаем этот клад,
И тогда — конец невздам,
Наша жизнь пойдет на лад“.

Из хвоста лисица тотчас
Шерсти выдернула клочок,
Подхватил его, играя,
Перелетный ветерок.

Шерсть по ветру полетела,
А лисица говорит:
„Где она земли коснется,
Там богатый клад зарыт“.

Там, где шерсть земли коснулась,
Под калиновым кустом
Два товарища находят
Три монеты серебром.

Два товарища довольны,
Роят дальше в глубь земли.
Три монеты золотые
Два товарища нашли.

Богачами сразу стали:
В кошеле звенят у них
Три серебряных монеты,
Три монеты золотых.

Оскюзек сказал лисице:
„В путь-дорогу нам пора,
Чтобы в стан Каратыхана.
Нам добраться до утра.

Хоть не ждут на пышный праздник
Нас, непрошенных гостей,
Но наверно там добудем
Мы об'едков и костей“.

„Нет, — лисица отвечает,
Хитрый свой прищулив глаз, —
Корки, кости и об'едки —
Эта пища не для нас.

Я свой план тебе открою,
Ты же слушай и молчи:
Во дворец Каратыхана
Мы войдем, как богачи.

Будем сватать дочку хана.
Я скажу, что ты мой брат,
Что задумал ты жениться,
И что очень ты богат.

Если это нам удастся —
Попируем мы тогда.
Корки, кости разве пища?
Разве вкусная еда?“

„План хорош, — ответил мальчик, —
Но непрочен, словно дым.
Разве хватит наших денег
Хану выплатить калым?“

Говорит лисица: „Хану
Пустим мы в глаза туман.
Знай: на деньги очень жаден
Грозный хан — Каратыхан.

Я устрою все, как надо,
Ты же только знай — молчи.
Мы к богатству злого хана
Хитростью найдем ключи“.

Отдохнули и в дорогу
Снова двинулись друзья.
Говорит лиса: „Вдвоем нам
Во дворец идти нельзя.

Я схожу одна сначала
Поразведать, разузнать.
На лугу, за темным лесом,
Ты меня останься ждать.

А пока меня не будет,
Даром время не теряй:
Желтых дудок на болоте
Ты побольше наломай“.

Зорких стражей обманула,
Семь дверей прошла, и вот
К самому Каратыхану
Во дворец лиса идет.

Хан на вышитых подушках
Трубку длинную курил.
„Кто такая ты, откуда?“ —
Грозный хан лису спросил.

„Я пришла к тебе по делу, —
Говорит лиса в ответ. —
С братом очень мы богаты,
Но ведра в хозяйстве нет.

Десять дней со старшим братом
Мы учет деньгам вели.
Десять дней мы потеряли,
Но богатства не сочли.

И решили наши деньги
Перемерять мы ведром.
Дай ведро! Его обратно
Через день тебе вернем“.

Грозный хан от изумленья
Проглотил табачный дым
И сказал: „С ума сошли вы
Вместе с братом со своим!

Где же слыханое дело —
Деньги мерять, как овес?
Где же видано, чтоб денег
Было более, чем звезд?“

Говорит лиса небрежно:
„Если жалко, — не давай.
Но обиды не забудем
Мы вовеки. Так и знай!“

Вышла в двери: „Не могу я
Даром время проводить!“
Приказал послушным слугам
Хан лисицу воротить.

Хан сказал: „Хочу помочь вам
Сосчитать свое добро“
И велел послушным слугам
Выбрать старое ведро.

Взяв ведро, лиса сказала:
„Не останемся в долгу.
А теперь я поскорее
Мерять деньги побегу“.

Оскюзек же в это время
С нетерпеньем друга ждал,
В ожидании лисицы
Много дудок наломал.

Все, как было, рассказала
Другу хитрая лиса.
Смех лисы и Оскюзeka
Раздавался по лесам.

День один прошел в весельи,
На другой, что было сил,
Принялись они из дудок
Возводить большой аил.

Кончив труд, полюбовались:
Не аил, дворец-дворцом.
А потом друзья со смехом
Наклонились над ведром.

Сплошь в ведре сверкали щели,
И друзья вложили в них
Три серебряных монеты,
Три монеты золотых.

„Я пойду“, — лиса сказала,
И ведро лиса взяла.
Во дворец Каратыхана
Смело вновь лиса вошла.

Хан на шелковых подушках
Трубку длинную курил.
„Что же, смеряли богатство?“ —
У лисицы хан спросил.

„За ведро тебе спасибо,—
Говорит лиса в ответ.—
Двое суток мы трудились,
Но богатству счета нет.

Как до тысячи дошли мы,
Я пошла поить коня
И не знаю, сколько ведер
Брат намерял без меня.

Я не знаю, где мы будем
Сохранять свое добро“.
Так сказав, лисица наша
Наземь бросила ведро.

На глазах Каратыхана
Покатились из ведра
Три монеты золотые,
Три монеты серебра.

Вздогнул хан от изумленья,
Проглотил из трубки дым.
„Знать и впрямь она богата
С братом старшим со своим“.

Не подумала лисица
Деньги с полу подбирать:
„Нам без этих надоело
Наше золото считать.

За ведро тебе спасибо,
Мне пора в обратный путь".
В дверь лиса. Но хан обратно
Приказал ее вернуть.

И сказал: „Тебя отсюда
Без даров не отпущу.
Брату старшему подарки
Отослать с тобой хочу“.

Все вернуть надеясь втрое,
В сердце жадность поборов,
Дал лисе для Оскюзeka
Много царственных даров.

А потом он встал с подушек,
Расписной надел кафтан,
Проводить лисицу вышел
Грозный хан Каратыхан.

„Вы в каком краю живете?—
Хан спросил, — узнать я рад“.
И в ответ ему лисица
Указала на закат.

Хан взглянул и в изумленьи
Трубку наземь уронил:
Вдалеке за темным лесом
Золотой стоял аил.

Усмехнулась в ус лисица:
„Знать, трудились мы не зря;
На аил из желтых дудок
Позолоту льет заря“.

Хану вслух она сказала:
„Вижу, ты соседству рад.
Может, мы родными станем:
Старший брат мой не женат...“

Предоставив хану время
Передумать обо всем,
Распрощалась с ним лисица,
Золотым махнув хвостом.

Долго, долго с нетерпением
Ждал лисицу Оскюзек.
Даром время не теряя,
Ствол березы он рассек.

В ташаур по тонкой дудке
Сок березовый пустил,
И когда лиса вернулась,
Ташаур наполнен был.

„Хорошо, — лиса сказала, —
Выйдет славное вино!“
Десять ягод ежевики
В ташаур кладут на дно.

Десять листьев щавелевых
В ташаур они кладут,
А потом, смеясь задорно,
В темный лес они идут.

Дичь лисица загоняла,
Оскюзек стоял в тени,
В две минуты изловили
Зайца серого они.

Так сказала тут лисица:
„Жаден хан Каратыхан.
Нашей выдумкой пустили
Мы в глаза ему туман.“

Хан наверно не забудет
Сваху — хитрую лису.
Я ему с серьезным видом
Угощенье поднесу.

Сок березы будет пить он,
Будет думать — пьет вино;
Стать бараном самым жирным
Также зайцу суждено“.

Тут взяла лисица лапкой
Зайца тощего кусок
И взяла другою лапкой
С кислым соком туясок.

И пошла лисица-сваха,
Чуть прищутив хитрый глаз,
И пришла к Каратыхану
С важным видом в третий раз.

Стражи в этот раз лисице
Поклонились до земли,
Подхватив ее под лапки,
Прямо к хану подвели.

Хан, как прежде, на подушках
Трубку длинную курил,
Хан с собою на подушки
Сваху рядом посадил.

Поднесла ему лисица
Зайца тощего кусок,
Подавала ему лисица
С кислым соком туясок.

„Как бы взять калым побольше“, —
Это думая одно,
Ел, прихваливая, мясо,
Жадно пил, хваля, вино.

„Сладко пьете и едите, —
Утираясь хан сказал. —
Говори: зачем сегодня
Старший брат тебя прислал?“

В ус лисица усмехнулась
И такой ответ дает:
„С братом горе приключилось.
Загрустил, — не ест, не пьет.

Этой грусти в том причина,
Что еще он не женат,
А ведь он красив и строен,
Знатен мой любимый брат.

Если густ камыш в озерах,
Дикий гусь туда летит;
Если есть невеста в доме,
Сваха в этот дом спешит.

Ты один, о, хан могучий,
Можешь в горе нам помочь:
Согласись отдать немедля
Оскюзеку в жены дочь.

Все проси, что только хочешь,
Назначай любой калым!“
Жадный хан, услышав это,
Проглотил табачный дым.

Думал хан: „Как быть? Другому
Обещал отдать я дочь.
Видно, первого придется
Жениха прогнать мне прочь“.

И лисе потом ответил:
„Я помочь согласен вам.
Только дочь свою родную
По дешевке не отдам.

Жаль мне с дочерью расстаться,
Но душа моя добра:
Триста ведер золотыми,
Триста ведер серебра!

Нет, не так! Назначив цену,
Не подумал я о том:
Триста бочек золотыми,
Триста бочек серебром!“

Задрожав от нетерпенья,
Жадный хан ответа ждет.
Изумился он, что сваха
Даже ухом не ведет.

„Что же, — молвила лисица, —
Уж не так калым велик.
Твердо знаю, что подарков
Брат прибавить повелит

Для тебя, о, хан могучий,
И для всей родни твоей:
Триста тысяч шкур бобровых,
Триста тысяч соболей.

Не успеет солнце трижды
Опуститься за холмом,
В твой дворец калым богатый
Вместе с братом привезем.

Ну, прощай. С хорошей вестью
К брату мне пора идти“.
И ушла. Но хан лисицу
Возвращает с полпути.

Взять калым в сто крат надеясь,
В сердце жадность поборов,
Сто баранов дал лисице,
Сто коней и сто коров.

От дворца до Оскюзeka
Через реку путь лежал.
Погнала стада лисица,
Мост надежный задрожал.

Так себе лиса сказала:
„Острый ум не зря мне дан.
Долго будет помнить сваху
Жадный хан Каратыхан“.

Оскюзек стада заметил
И воскликнул: „Что за вздор
Не во сне ль я это вижу?“
Оскюзек глаза протер.

В самом деле, вокруг аила
Не во сне, а наяву
Овцы, лошади, коровы
Щиплют сочную траву.

„Оскюзек! — кричит лисица, —
План удался, видишь сам!“
Долго смех их раздавался
По полям и по лесам.

В стаде выбрали барана,
Закололи в тот же миг.
Над костром они веселым
Жирный сделали шашлык.

Двое суток пировали,
Пили, ели, наконец
„Мне идти, — лиса сказала, —
Надо снова во дворец.“

Жадность хана обуяла,
Жадный хан подарки ждет.
Во дворец Каратыхана
Через реку путь ведет.

Через реку мост проложен.
Но реши, подумай сам:
Если б, скажем, в самом деле
Повезти пришлось бы нам

Триста бочек золотыми,
Триста бочек серебра,
Разве мост не проломила б
Тяжесть этого добра?

Хан уверен, что сегодня
Я подарки привезу,
Я ж под мост сейчас полезу,
Малость свай подгрызу.

Я уйду, и вслед за мною
Смело ты на мост взойдешь.
Рухнет мост, и ты сейчас же
Тоже в воду упадешь.

Сотни слуг Каратыхана
Не спасут тебя пока, —
Делай вид, как будто тонешь,
Хоть река не глубока.

Бей ногами и руками,
Пузыри пускай, кричи.
Мы с тобой к богатствам хана
Хитростью найдем ключи”.

Лапой хвост взяла лисица,
Чтоб в воде не замочить,
Забралась под мост лисица,
Чтобы свай подточить.

Быстро хитрая лисица
Свай толстые грызет.
На семь верст вниз по теченью
По реке щепа плывет.

Так трудилась, что от щепок
Белой сплошь была река,
До тех пор, пока не стали
Свай тоньше волоска.

Тут окончила работу
Наша сваха наконец,
И в четвертый раз лисица
Побежала во дворец.

„Подымайтесь, выходите,
Жениха встречать пора!
Он везет Каратыхану
Триста бочек серебра.

Триста бочек золотыми
Во дворец жених везет,
Тридцать тысяч пар верблюдов
За собой жених ведет.

Триста тысяч шкур бобровых,
Триста тысяч соболей
Он везет еще вдобавок
Для невесты для своей!“

Хан, услышав эти крики,
Приказал коней седлать,
Порешил он на дороге
Оскюзeka повстречать.

В куртках бронзовых алыны,
Все доспехами звеня,
Подвели Каратыхану
Наилучшего коня.

Десять слуг лисице-свахе
Поклонились до земли,
Впереди лисицу-сваху
С важным видом повезли.

Хан к приезду Оскюзeka
Пир готовить приказал,
Хан навстречу Оскюзeku
С целым войском поскакал.

До реки уж недалеко.
Вдруг, прорезав тишину,
Крик о помощи раздался:
„Помогите! Я тону!“

Что же видят? Мост разрушен,
Доски плавают в воде,
Оскюзек зовет на помощь,
Оскюзек в большой беде.

Тут лиса упала наземь,
Завопила что есть сил:
„Горе мне! Калым богатый
Мост надежный проломил!

Мне богатств совсем не жалко,
Нашим деньгам счету нет, —
Если ж брат в реке утонет,
Для меня померкнет свет.

Хан могучий, Оскюзек
Прикажи спасти скорей!“
Смело бросились на помощь
Восемьсот богатырей.

Восемьсот алынов смелых
В реку быструю вошли,
Жениха в одно мгновенье
От гибели спасли.

Говорит лисица хану:
„О калыме не тужи,
Мастерам своим искусным
Мост построить прикажи.

Мы калым тебе доставим,
Лишь построен будет мост.
Мы имеем с Оскюзекком
Денег более чем звезд“.

Слыша это обещанье,
Жадный хан повеселел.
„Приготовьте все для пира!“ —
Верным слугам повелел.

Оскюзeka и лисицу
С честью вводят во дворец.
Раскрывает перед ними
Хан с богатствами ларец.

Оскюзeka и лисицу
Хан богато нарядил
И потом с собою рядом
Пировать их посадил.

День пируют, ночь пируют,
Снова день и снова ночь.
Продолжать бы жизнь такую
Два товарища не прочь.

На десятый день неожиданно
Вдруг сказали мастера:
„Мост готов. Теперь он сдержит
Вдвое более добра“.

И тогда встает лисица,
Хвост пушистый развернув,
Говорит Каратыхану,
Оскюзeku подмигнув:

„Хан! Ты нас достойно встретил
И на славу угостил.
Будем завтра ждать тебя мы
В золоченый наш аил.“

Чтобы нам перед тобою
Не ударить в грязь лицом,
Мы сейчас же с Оскюзекoм
Пир устраивать пойдем.

Приготовим пир на славу.
А когда приедешь к нам,
Из богатств несметных наших
Выбирай, что хочешь, сам!

Оскюзeka и лисицу
Хан с почетом проводил,
Оскюзeka и лисицу
Хан богато наградил.

В ранний час, когда в долинах
Не сошел еще туман,
Снарядился в путь дорогу
Грозный хан Каратыхан.

Взял с собою хан могучий
Восемьсот богатырей,
Во дворец калым богатый
Привезти хотел скорей.

Вот уж близко подскакали.
Все безмолвно, все молчит,
Но аил из желтых дудок
Ярким золотом горит.

Шаг еще — обман открылся.
Хан мечом рассек аил.
„Изловить их!“ — закричал он.
Но друзей и след простыл.

Густо их пути-дороги
Поросли травой сплошь.
След пропал. И даже в сказке
К ним дорогу не найдешь.

АЛЕКСАНДР СМЕРДОВ

БОРО-ЧУДА

На Алтае это было,
В отдаленные года.
По чужим бродил аилам
Мальчуган Боро-Чуда.

Бесприютный, в шубе ветхой,
Смуглолиц и ростом мал,
У порогов ждал об'едков,
На земле холодной спал.

Лишь подрос Боро-Чуда,
Бай угнал его к стадам.
Зорко бай за ним глядел,
Издевался, как хотел.

Если мальчик есть попросит,
Бай кидает пастуху
Лишь обглоданные кости
Да баранью требуху.

Как живется байским детям
В шелку видел он тайком.
Бай, оборвыша заметив,
От аила гнал пинком.

Мальчик, слезы проливая,
Убежать решил от бая.
Чуть стемнело, наутек
Он со всех пустился ног...

1

Ой, быстры у бая кони,
Злее волка жирный бай!..
Ой, спасись бы от погони...
Беглеца укрой, Алтай!

До восхода во весь дух
По тропинкам горным
Мчался маленький пастух,
Легкий и проворный.

Шесть потоков переплыл,
Шесть хребтов перевалил
И с вершины горной глянул
На широкую поляну.

Что такое? Вьются птицы,
Дым клубится. И огонь
По траве высокой мчится,
Словно рыжий, дикий конь.

Где промчится — все сжирает,
Пеплом падает трава.
Друг от друга загораясь,
Стоном стонут деревá.

Средь поляны — что за диво? —
Высока и горделива,
Ель стоит. Огонь все ближе,
Ствол ее, беснуясь, лижет.

А у самой у вершины,
Обвиваясь вокруг ветвей,
В страхе жметя змей предлинный,
Ядовитый, пестрый змей.

Жало выпустив, шипит он,
Изумрудный глаз горит.
„Хоть, змея, ты ядовита, —
Мальчик змею говорит, —

Мне тебя, гадюка, жалко“.
Протянул он змею палку,
Подцепил и, приподняв,
Ловко вынес из огня.

II

Продолжает мальчик путь
По зеленым склонам.
Лег на травку отдохнуть
И забылся сном он.

Снится, будто он меж скал
Мчится, сворою гоним.
Вдруг споткнулся и упал.
Злобно бай шипит над ним.

Плеть свистит над головою
И вокруг собаки воют,
Мальчик бьется, встать не может...
Просыпается—и что же?!

Видит он,дохнуть не смея:
С головы его до пят
Оплели, как цепью, змеи,
Жала высунув, шипят...

Вдруг свились и черным комом
Откатились змеи враз,
И ползет к нему знакомый
Змей, которого он спас.

Держит он во рту яйцо,
Смотрит мальчику в лицо.
Шепчет в страхе мальчик гаду:
„Что тебе, гадюка, надо?!“

Подставляет полу шубы.
Не взглянул на шубу змей.
Бросил шапку — но сквозь зубы
Змей шипит все злей и злей.

„Не прогневать гада мне бы“, —
Мальчик думает, и вот
Лег лицом мальчонка к небу
И раскрыл широко рот.

Змей обвил беднягу туго,
В рот ему яйцо спустил.
Мальчик вскрикнул от испуга
И яичко проглотил...

Что такое? В этот миг
Понял змеев он язык,
Понял трав зеленых речи,
Будто говор человеческий.

Слышит мальчик говор леса,
Речи птичек и зверят.
Роднички в скале отвесной
Меж собою говорят.

Громче всех своих друзей
Зашипел знакомый змей:

„Знай, тебе, наш мальчик милый,
Я великую дал силу:
Говор трав, лесов зеленых,
Речи ветра, рек студеных,

Песни птиц, язык звериный
Будешь, мальчик, знать отныне,
Понимать их будешь речи,
Будто говор человеческий!

Но от всех людей на свете
Этот дар храни в секрете.
Продолжай спокойно путь
И счастливым вечно будь...“

Змеи с мальчиком простились
И клубками покатались.
Без оглядки, поскорей
Мальчик кинулся от змей.

III

Он идет среди гор, лугами,
От утра до темноты.
Слышит он, как под ногами
Шепчут травы и цветы:

„Не губи нас, мальчик славный“, —
Шелестят, склоняясь, травы.
„Под ногами нас не мни“, —
Шепчут лютики пред ним.

Меж собою спорят горы,
Эхо горное гремит.
Видит мальчик — черный ворон,
Мрачно каркая, летит:

„За горрою, за горрою
Есть болотище сыррое.
В том болоте, еле жив,
Жеребеночек лежит.

К жеребенку я летел,
Ворвать глаз ему хотел.
Не пришлось покушать сытно
Он лягнул меня копытом.

Завтра вырву ему сразу
Оба глаза, оба глаза!..“

Мальчик, ворона услышав,
Речь воронью разгадал.
Влез на дерево повыше,
Жеребенка увидал.

Из болота, из осок
Слышит тонкий голосок:

„Ой, по воле злого бая
Я в болоте погибаю.
Табуны здесь бай поил,
Кобылиц в лугах доил.

Я от матери отбился
И в трясину провалился.
Заорал хозяин мой,
На меня махнув рукой:

„Подыхай же ты в болоте,
Пусть тебя шайтан проглотит.
Я и славен и богат,
Не считал своих я стад.
И с тобою, слабым, дрянным,
Я возиться тут не стану...“

Так сказал сердитый бай
И табун угнал в Алтай...“

Жеребенка, опояской
Заарканив без труда,
Из воды, из тины вязкой
Потянул Боро-Чуда

И отнес его в сторонку,
На ковер душистых трав,
И заржал пегашка звонко,
На сухую землю встав:

„Будь ты славным великаном!
Я конем могучим стану
И с тобою, мальчик милый,
Не расстанусь до могилы!“

Мальчик повод свил из шерсти,
Из травы узду связал.
„Что ж, пойдем скитаться вместе!“ —
Жеребенку он сказал.

И пошли зеленым лугом
Два товарища, два друга.

IV

Мальчик вел дружка по скалам.
Путь обрывист и высок.
Издалека услышал он
Чей-то тонкий голосок:

„Ой, осталось жить недолго,
Попаду я в зубы волку!
Мама, мама, где ты, где ты,
Что ж оставила ты деток?!“

„Что такое, с кем беда?“ —
Говорит Боро-Чуда.
Он с плеча снимает лук
И взбегаёт на скалу.

Видит — серенький козленок
Над обрывом проскакал.
За козленком, разозленный,
Волк карабкался меж скал.

„Скорро, скорро буду сыт, —
Задыхаясь, волк рычит, —
Дай, взберусь на эту гору, —
Разорву тебе я горло!..“

Мальчик наш подполз проворно,
Натянул таловый лук
И, нацелясь, в волчье горло
Глубоко всадил стрелу.

Волк подпрыгнул и упал.
И раздался звонко
Над обрывом, между скал
Голосок козленка:

„За твою, герой, услугу
Я твоим хочу быть другом.
Уважая и любя,
Не отстану от тебя“.

И за маленьким героем
Козлик серый поскакал.
И теперь шагают трое
Средь высоких, синих скал.

Видят — хищный ястребище
На кедровом пне сидит.
Рвет когтями ястреб пищу,
Пух развеянный летит.

А над ним шумливой стаей
Птички сизые рыдают:

„Чтоб ты, ястреб подлый, сдох,
Разорил опять гнездо!..
Ой, проклятый, ой, злодей, —
Губишь наших ты детей!“

Наш стрелок, увидев это,
Рассердился, и тотчас
Лук снимает, целит метко
В ястребиный правый глаз.

Ястреб взвился, но сразила
Налету его стрела,
Наземь пал, лишились силы
Два могучие крыла.

Птички вьются звонкой стаей,
Над друзьями пролетают.
Сели мальчику на плечи
И на все лады щебечут:

„Мальчик добрый, мальчик смелый,
Пусть твои взлетают стрелы
К солнцу, выше облаков,
Удивляя всех стрелков!“

Пусть Алтай голубоглавый
Про твою узнает славу.
Мы о подвиге твоём
В наших песнях пропоём!“

Так друзья все выше в горы
Дружно, весело идут.
А над ними птички хором
Заливаются-поют.

День за днем шагают трое.
Много рек и гор прошли
И однажды за горою
Дым увидели вдали.

„Значит, близко где-то люди, —
Говорит Боро-Чуда, —
Отдыхать, друзья, не будем,
Поспешим скорей туда“.

Говорят ему друзья:
„Нам туда идти нельзя!
Ты один ищи пути,
Нас в долину отпусти.“

Если плохо люди встретят, —
Знай, друзья в долине ждут.
Только свистни — мы ответим,
Будем мигом тут как тут“.

V

Бродит ветер по долине.
На лугах пасется скот.
На дымок высокий, синий
Мальчик наш один идет.

Видит речку. С дикой силой
Воды горные бегут.
А за речкой — три аила
На высоком берегу.

Три собаки меж собою
У аилов громко воют.

Говорит из них одна:
„Голодна я, голодна!
Мой хозяин скуп и зол,
Редко выбросит мосол.“

Для гостей, хотя б и званых,
Не зарежет он барана!
От несносного житья
Убежать готова я!..“

И, собачью жизнь ругая,
Отвечает ей другая:

„Мой хозяин раз в году
Режет телку на еду.
Мясо всё один сожрет,
После кости варит с год.
Мне ж' одни пинки да брань.
Жизнь собачья просто дрянь!..“

Им в ответ на вой протяжный
Третий пес пролаял важно:

„Мой хозяин — Адыш-бай,
Знает весь его Алтай.
Он и знатен, и богат,
И гостям веселым рад,

И готовит он для пира
Много мяса, много жира.
Наедаюсь вечно всласть я,
Жизнь собачья — просто счастье!“

Лай их выслушав и мостик
Перейдя, малыш скорей
К Адыш-баю входит гостем
И садится у дверей.

И сказал ему лукаво
Узкоглазый бай Адыш:

„Угощу тебя на славу,
Гостем будь моим, малыш!
Только вот беда, пастух:
В очаге огонь потух!
Наруби-ка дров в лесу,
Я же пищи припасу“...

Мальчик дров принес для бая,
Угошенья долго ждет.
Бай же, сладко улыбаясь,
Речь лукавую ведет:

„Дам тебе я шубу лисью,
Шапку с шелковой кистью,
Пару новых дам сапог,
Дам булатный я клинок,
Подарю тебе коня, —
Поработай у меня“.

„Что ж, коль правду говоришь,
Я согласен, бай Адыш,
И берусь пасти стада“, —
Говорит Боро-Чуда.

VI

Дни бегут. Пастух, как прежде, —
Хоть прошел немалый срок, —
Ходит в старенькой одежде,
Нет ни шапки, ни сапог...

Как-то раз дорогой торной
К водопою гнал он скот.
Поглядел — ягненок черный
От отары отстает.

Злые овцы, громко бляя,
Бьют ягненка, не жалея:

„Знать, не нашей ты породы,
Нет ни племени, ни роду!
До чего ты слаб и плох,
Лучше б ты, паршивый, сдох!“

Бедный еле ковыляет,
Горько плачет, причитает:

„Самому мне свет не мил,
Выбиваюсь я из сил...
Ведь в утробе у меня
Много маленьких ягнят.

Если жить на свете стану,
Я пятьсот рожу баранов.
Не наступит мой конец —
Я пятьсот рожу овец“.

Удивился мальчик, слыша
Ту диковинную речь.
Стал гонять отары тише,
Стал ягненка он беречь.

Год прошел. А бай—ни слова
Об обещанных обновах.
Попросил пастух расчет, —
Бай расчета не дает.

На совет друзей сзывает
Мальчик, помня уговор:
Свистнул дважды. Повторяет
Свист протяжный эхо гор.

Из долины отдаленной,
Зов услышав, в тот же миг
Жеребенок и козленок
Мчатся к другу напрямик.

Говорит Боро-Чуда:
„Целый год пасу стада,
Точный счет веду отарам,
Только все, выходит, даром.
Жаден бай, и зол, и лют.
Знать, пропал мой долгий труд“.

Жеребенок скачет рядом,
Ржет, уздечкою звеня:

„Я устрою все, как надо,
Только слушайся меня.
Дам тебе большую силу.
Станешь ты богатырем.
Подгони стада к аилу —
Мигом дело разберем“.

Прямо к берегу крутому,
Где бурлит воронкой омут,
Гонит байские стада
Через луг Боро-Чуда.

За рекою той бурливой
Байский высился аил.
Здесь отары у обрыва
Наш пастух остановил.

Выбрал сытую овечку,
Раскачал в руках — и вдруг
Перебросил через речку
На зеленый байский луг.

Так пастух на байский берег
Всех овец перекидал.
Бай, глазам своим не веря,
На колени в страхе пал.

На коня пастух садится.
Верный конь Боро-Чуды
Через речку прынул птицей,
Не задев хвостом воды.

Взвизгнул бай, когда увидел,
Убежал в аил, крича:
„Ой, беда! Зачем обидел
Я такого силача!“

Он от страха еле дышит.
Обмирая, гостя ждет.

Мальчик спешился и слышит —
Конь совет ему дает:

„Станет бай дарить обнови —
Откажись от всех наград.
Требуй самого дрянного
Из дрянных его ягнят“.

Входит мальчик. Злому баю
Говорит он: „Адыш-бай!
Скот пасти я не желаю,
Рассчитаемся, давай!..“

Бай, чуть жив, ему в ответ:
„Обещал я, спору нет...
Забирай же шубу лисью,
Шапку с шелковою кистью,
Пару новеньких сапог
И булатный мой клинок.
Забирай еще коня, —
Лишь оставь скорей меня“...

По совету жеребенка
Только черного ягненка,
Что паршив, и слаб, и худ,
Мальчик требует за труд.

Бай подумал: „Что за чудо!
Богатырь-то, видно, глуп...“
Молвил: „Спорить я не буду,
Забирай, ведь я не скуп“...

Свистнул мальчик трижды звонко,
Чтоб созвать своих друзей.
Взял он на руки ягненка
И уходит поскорей.

Собралися у ручья
Неразлучные друзья.
И сказал друзьям барашек:
„Отплачу я вам добром!..“
И пошли герои наши
По Алтаю вчетвером.

VII

По ущельям, по отрогам,
Веселясь, четверка шла,
И на третий день дорога
Их в долину привела.

Снег белеет в горных высях,
А долина—дивный сад!
Рассыпая брызги-бисер,
Гулко льется водопад.

Над кудрявым, темным лесом
Птички вьются и поют.
А цветов, цветов чудесных,
Разноцветных сколько тут!..

„Здесь бы жить, друзья, всегда!—
Говорит Боро-Чуда.—

Мы прошли не малый путь,
И не грех нам отдохнуть!

Убежали к водопою
Трое маленьких друзей,
А пастух шалаш построил
Из березовых ветвей,

Застелил постель он мхами
И пахучею травой,
И цветами, как коврами,
Он шалаш украсил свой.

Жеребенок и козленок,
Черный, маленький ягненок
На лугах, в высоких травах
Угощаются на славу.

Солнце снизилось за скалы,
Веет тихий ветерок.
Мальчик радостный, усталый
В шалаше своем прилег.

И уснул. Спустился вечер,
За горой погас закат.
Смолкли в травах птичьи речи.
Гулко льется водопад.

VIII

Солнце мальчика пригрело,
Обожгло лучами тело.
Встал герой наш. Видит он
То ли чудо, то ли сон...

Где шалаш, постель?.. И снова
Кулаком глаза потер:
Перед ним большой, ковровый,
Как дворец, стоит шатер.

Видит новое он чудо:
Полог тонкий голубой
Всколыхнулся и оттуда,
Раскрасавица собой,

Вышла стройная девица,
Пробудившись ото сна,
Словно солнце, яснолица,
Полнолица, как луна.

Брови—радуги, а очи
Ярче звезд алтайской ночи,
Вышит золотом наряд,
В косах камешки горят.

По дорожке по ковровой
Наш герой в шатер вошел,
И не может молвить слова,
Золоченый видя стол.

На столе том, как для пира,
Горы мяса, горы сыра,
Как для тысячи гостей—
Горы всяческих сластей.

Наш пастух стоит дивится:
„Ничего я не пойму!“
А красавица-девица
Улыбается ему...

И герой наш из дверей
Выбегает поскорей.
Свистнул трижды—вот так свист!
Полетел с деревьев лист...

Ржаньем горы сотрясая,
Прямо к белому шатру
Мчится пегий конь-красавец,
Грива вьется на ветру...

Свист услышав, к другу в ноги
С высоты скалы крутой
Прыгнул тур золоторогий,
Потрясая бородой...

Поглядел Боро-Чуда —
По лугам идут стада.
Круторогий, с шерстью длинной
Их баран ведет долиной.

И, как прежде, у ручья
Собрались опять друзья...

Конь, копытом землю роя,
Говорит Боро-Чуде:
„Будешь ты теперь героем,
Будут знать тебя везде!“

„Пред тобою каждый дрогнет!“ —
Молвит тур золоторогий.
„Ты теперь богат, как хан!“ —
Блеет радостно баран.

„Что случилось со мною?!—
Говорит Боро-Чуда. —
Может мне глаза промоет
Родниковая вода?“

Заглянул в ручей — и что же
В светлых водах видит он?
На него лицом похожий
Богатырь там отражен...

Конь, копытом землю роя,
Объясняет все герою:
„Ты, ведь, целый год проспал,
Великаном мудрым стал!“

Ты богат теперь и силен,
Богатырь Боро-Чуда,

Ждет тебя жена в аиле,
Отправляйся-ка туда“.

Так и зажили согласно
Наши славные друзья.
Но на этом длинный сказ мой
Не заканчиваю я.

IX

Раз решил Боро-Чуда
Осмотреть свои стада.
Заседлал коня и в горы
Едет лугом, едет бором.

Едет тихо по опушке.
Шепчут листья в тишине.
Голос горестный кукушки
Раздается в стороне:

„Горе мне, кукушке, горе,
Навсегда я смолкну вскорее!
Куковать кому я стану!
Люди все ушли к Салтану,
И не знают, что обман
Им готовит хан Салтан.
Не на пир созвал он их,
А для злых затей своих.“

И вещунья-птица смолкла.
Бор угрюмо загудел.
Богатырь наш слушал долго
И в лесную глубь глядел.

X

Через реки, через горы
Люди шли со всех концов.
Весь народ собрался скоро
Перед хановым дворцом.

Варят, жарят слуги хана
Сто баранов, сто быков.
Араки сколь хочешь пьяной
Пей из ханских бурдюков!

Закипает праздник званый.
Но примолкли люди вдруг:
Из дворца выводят хана
Сто его могучих слуг.

На народ грозою глянул,
Как железо, голос грянул:

„Эй вы, гости, я не даром
Вам скормил овец отару,
И не даром я припас
Араки хмельной для вас!..

Я хочу вам показать
Богатырской силы стать,
Силу взмаха, силу плеч,
Свой булатный новый меч...

Ну-ка, вправо от руки
Встаньте живо, старики!
Взявшись за руки, налево
Встаньте, юноши и девы!“

Хан, окончив эту речь,
Подымает к небу меч
Выше леса, горных круч, —
Высек молнии из туч.

Вправо рубит хан сразмаха,
Просвистел тяжелый меч.
Застонал народ от страха,
Сто голов слетело с плеч.

Размахнулся хан налево,
Но с горы, могуч и смел,
Голос гулкий, полный гнева,
Громче грома загремел:

„Эй ты, хан, убийца лютый,
Что ты сделал с бедным людом?!
Для забавы ты, злодей,
Проливаешь кровь людей!..
Хватит хвастаться булатом!
Наступает час расплаты!“

Видит хан — под самой тучей,
В неприступной вышине,
Скачет всадник на могучем
Огнедышащем коне.

Хан, мечом грозя герою,
Как железо, загремел:
„Кто ты, дерзкий, что со мною
Силой меряться посмел?!“

Отвечает всадник хану:
„Не сродни тебе, поганый!
Звал меня народ простой
Пастухом Боро-Чудой“.

Хан взмахнул мечом, но воин
Ближе к хану подскакал.
В тучах грозных, над горою
Меч салтанов засверкал.

Закричал народ в смятеньи,
Но, как ветер, со скалы
Тетивы звучит гуденье,
Посвист пущенной стрелы.

И каленая стрела
Грудь салтанову прожгла.

Растянулся телом длинным
Мертвый хан среди долины...

Солнце в небе засияло,
Вышли звезды и луна,
И в народе заиграла
Шумной радости волна.

Разогнули люди спины.
На руках богатыря
Принесли с горы в долину
И его благодарят:

„Не забудем подвиг твой,
Будь ты нашей головой.
Пусть Алтай голубоглавый
Про твою узнает славу“...

Всех богатством награждая,
Разделив салтанов скот,
За собою по Алтаю
Богатырь повел народ.

XI

Расселил в долинах всех он
И, закончив все дела,
Он к себе в аил приехал,
Где жена его ждала.

Отдохнул в шатре богатом.
Свистнул трижды, и друзья —
Конь, баран, козел рогатый —
Собрались у ручья.

И, как прежде, он с друзьями
По горам гуляет днями.
А супруга молодая
Плачет, мужа поджидая:

„Иль плохая я жена,
Или вовсе не нужна?
Видно, любишь не меня,
А гривастого коня...

За любовь мне платишь злом,
И с бараном и с козлом
Больше, чем со мною, дружен.
Редко дома вижу мужа!..“

Богатырь, храня секрет,
Улыбнется лишь в ответ.

Раз в аиле ладил стрелы,
Слушал птичек звонкий гам.
В темный угол посмотрел он, —
Пару мышек видит там.

Суетятся, спорят мыши
Возле кринки с молоком.
Богатырь, их речи слыша,
Улыбается тайком.

Мышь, молочный запах чуя,
Умоляет муженька:
„Ой хочу я, ой хочу я,
Муженек мой, молока...“

Забрались они на крышку,
Самка юркнула в горшок,
И за хвостик держит мышку
Осторожный муженек.

Мышка вылезла и лапкой
Утирает грудку, рот:
„Напилась я сладко, сладко,
А теперь — тебе черед!“

Мыш спустился, — глубоко,
Видно, в кринке молоко.

Упирая лапки в крышку,
Хвостик мужа держит мышка.

Но, видать, не стало силы
В слабой мышкиной руке:
Хвостик мужа отпустила,
Потонул самец в горшке.

Мышка лапки заломила,
Плачет, бьется головой:
„Захлебнулся муж мой милый,
Как я буду жить вдовой?!“

Богатырь, все это видя,
Хохотал над мышкой всласть.
А жена его в обиде
Вновь слезами залилась:

„Часто слышу, как хохочешь.
А над чем — сказать не хочешь.
Ой, обидно мне, обидно!
Надо мной смеешься, видно...
Больше я терпеть не в силах,
Убегу я из аила!..“

Слушать, как жена рыдает,
Нехватило больше сил
И подруге милой тайну
Богатырь в тот миг открыл.

И едва лишь прозвучали
По горам его слова, —
Птицы, звери замолчали
И притихла вдруг трава.

Лес примолк, притихли воды,
И герой забыл язык,
На котором он с природой
Разговаривать привык.

Так утратил он навечно
Дар, что дал когда-то змей:
Понимать, как человечесий,
Говор птиц, лесов, зверей...

Долго, долго горевал он.
Но частенько, как бывало,
Собирались у ручья
Неразлучные друзья.

С горным туром и бараном,
С другом ласковым—конем
Долго жил он. Но пора нам
Кончить длинный сказ о нем...

НИК. ТИТОВ

СЕМИГОЛОВЫЙ ДЕЛЬБЕГЕН

В долине, где над речкой
Высокий горный кряж,
Жил-был алтаец бедный
Охотник Отыгаш.

Немудрое хозяйство
Охотник наш имел:
Конь вороной в долине
Уздечкою гремел,

Две тощие коровы
Бродили за холмом,
Две рыжие собаки
Лежали под кустом.

Неделями охотник
В тайге с ружьем бродил,
Стрелял пушистых белок,
Лисиц в капкан ловил.

Однажды возвращался
С охоты он домой.
Бежала лошадь бойко
Извилистой тропой.

Приветливое солнце
Вставало из-за гор.
Вдруг Отыгаш увидел —
В лесу горит костер.

И про себя подумал:
„Должно быть, на ночлег
В лесу остановился
Проезжий человек“.

Окончен путь. Охотник,
Добычу сняв с седла,
Вошел в аил. В аиле —
И тишина и мгла.

Он видит мирно спящих
Жену и дочерей.
В костре потухшем, видит, —
Горячих нет углей.

„Вы спите! — закричал он, —
А наш костер погас.
Одна зола да пепел...
И вышел трут у нас“.

Жена, услышав крики,
Проснулась и глядит:
Костер и в самом деле
Не греет, не дымит.

И Отыгаш промолвил:
„В лесу, на склоне гор,
Горит, не угасая,
Неведомый костер.“

Пошли туда скорее
Одну из дочерей,
И пусть она добудет
Пылающих углей“.

И младшую с постели
Мать поднимает дочь.
„Вставай, вставай живее,
Чтоб нам в беде помочь.

Бери-ка старый ковшик
Да в лес беги скорей.
В лесу костер увидишь
И наберешь углей“.

И девочка уходит.
Вступает в темный бор.
И видит — на поляне
Горит, шумя, костер.

Какой-то странный запах
Тяжелый дым несет.
Стоит она в раздумье,
Боясь шагнуть вперед.

Глядит вокруг — и сердце
Охватывает страх:
Кто злой, семиголовый
Склонился у костра?

Бурлит вода, клокочет
В огромнейших котлах,
И плавают, мелькая,
Людские в них тела.

Торчит огромный вертел
Сквозь пламя, дым и чад,
И слышно, будто дети
В мучениях кричат.

Дочь Отыгаша, вспомнив
Слух, облетевший свет,
Вдруг вскрикнула: „Ведь это
Тот самый людоед!

Тот Дельбеген кровавый,
Жестокий, страшный, тот,
Кого в краю родимом
Клянет бедняк-ойрот“.

Тут, девочку увидев,
Подходит людоед:
„В твоих глазах, девица,
Лучистый звездный свет.“

Скажи — кто ты? Откуда?
Пришла с каких ты гор?
Пойдем — тебя согреет
Веселый мой костер“.

И девочка в испуге
К костру идет дрожа.
Ее семиголовый
В руках могучих сжал.

Поднес к котлу. Подумал.
И наземь опустил.
„Зачем? Я сыт сегодня“, —
Рыгнув, проговорил. —

„Что толку мне в девчонке? —
Смекает людоед. —
Не лучше ли пронюхать
К ее аилу след?“

„Где твой отец? И кто он?
Где мать? А братья есть?“
Сам думает: „Успею
Всех понемногу с'есть“.

И дочка Отыгаша
Такой дает ответ:
„Отец и мать — в могиле,
А братьев вовсе нет.“

Живу я сиротою,
В убогой юрте сплю,
Коренья собираю,
Зверков в лесу ловлю.

Сегодня я хотела
Себе сварить обед,
Но вспомнила — огнива
В моем жилище нет.

И я за угольками
Пришла на огонек...“
Тут Дельбеген промолвил:
„Твой путь, поди, далек,

А для дороги дальней
Твой мал, девица, ковш.
Ты до дому в нем угли
Едва ли донесешь.

Вот у меня есть ковшик
Глубокий да большой.
Огнистые в нем угли
Ты принесешь домой“.

И Дельбеген с усмешкой
Дырявый ковш берет.
Углей (золы побольше)
В него, смеясь, кладет.

Сам говорит при этом:
„Смотри, не забывай:
Чтоб угли не погасли,
Ты ковшиком махай“.

И девочка уносит
В ковше огонь домой.
И путь ее отмечен
Предательской золой.

Дымит костер в аиле.
Шумят, поют котлы.
Уходит день. И вечер
Летит на крыльях мглы.

А вечеру на смену
Седая ночь спешит.
Уснули птицы, звери.
С семьей охотник спит.

Лишь Дельбеген свирепый
Не мог всю ночь уснуть:
Таскал из леса хворост.
А утром вышел в путь.

Шагает он поспешно,
Доволен сам собой,
По следу, что змеится
Рассыпанной золой.

К аилу след приводит.
Чуть-чуть дымит огонь.

Встречает Дельбегена
Негромким ржаньем конь.

Две тощие коровы
Задумчиво мычат.
Две рыжие собаки
Неласково ворчат.

И Дельбеген подходит
К жилищу. Смотрит в дверь.
Бормочет, облизнувшись:
„Вы все мои теперь!“

Толкает дверь ногою.
Семья спокойно спит.
Семиголовый громко
У входа говорит:

„Ах, как приятно слышать
Мне ржанье воронка.
Да будет рысь лошадки
Везде, всегда легка.“

Как хорошо мне слышать
Мычание коров.
Пусть громко множит эхо
Их благозвучный рев.

Как хорошо мне слышать
Собак сердитый лай.
Пусть этот лай разносят
Ветра из края в край.

Как хорошо смотреть мне
На спящих стариков.
Да будет сон их крепок,
Спокоен и здоров.

Как хорошо смотреть мне
На их родных детей.
Пуускай всегда им снится
Веселье юных дней“.

На голос Дельбегена
Все молча поднялись,
И молвил гость незваный:
„Я славил вашу жизнь...

А ну, старик, за эти
Похвальные слова
Что дашь мне? Отвечай же,
Седая голова!“

Тут Отыгаш подумал:
„Погибло все!“
И, вид
Приняв спокойный, гостю
Печально говорит:
„Я беден. Нет богатства,
Как видишь, у меня.
Бери же, если хочешь,
Последнего коня“.

И Дельбеген уводит
Коня в дремучий лес.
Убив, его он варит
В котле. И жадно ест.

День пролетел. И снова
Приходит гость в аил
И молвит Отыгашу:
„Тебя я не забыл.

Как хорошо мне слышать
Мычание коров.
Пусть громко множит эхо
Их благозвучный рев.

Как хорошо мне слышать
Собак сердитый лай.
Пусть этот лай разносят
Ветра из края в край.

Как хорошо смотреть мне
На спящих стариков.
Да будет сон их крепок,
Спокоен и здоров.

Как хорошо смотреть мне
На их родных детей.
Пускай всегда им снится
Веселье юных дней.

Что дашь, старик, за эти
Похвальные слова?
Подумай да скажи мне,
Седая голова!

И Отыгаш ответил:
„За похвалу твою
Из двух одну корову
Тебе я отдаю“.

И Дельбеген корову
Уводит в темный лес.
Убив, ее он варит
В котле. И жадно ест.

День пролетел. И снова
Приходит гость в аил.
И молвит Отыгашу:
„Тебя я не забыл.“

Как хорошо мне слышать
Твоей коровы рев.
Как хорошо мне слышать
Ворчанье рыжих псов.

Как хорошо смотреть мне
На спящих стариков.
Да будет сон их крепок,
Спокоен и здоров.

Как хорошо смотреть мне
На их родных детей.
Пускай всегда им снится
Веселье юных дней.

Что дашь, старик, за эти
Похвальные слова?
Подумай да скажи мне,
Седая голова!

И Отыгаш ответил:
„За похвалу твою
Последнюю корову
Тебе я отдаю“.

И Дельбеген корову
Уводит. И опять
В аил идет на утро.
„Старик, довольно спать.

Не зря тебе сказал я
Похвальные слова!
Что дашь за них? Скажи мне,
Седая голова!“

И Отыгаш ответил:
„За похвалу твою
Любимую собаку
Тебе я отдаю“.

И сутки пролетели.
Лишь брызнул солнца свет,
С обычной похвалою
Приходит людоед.

С коварною усмешкой
Он смотрит на семью.
„Ну, что, старик, ты дашь мне
За похвалу мою?“

И Отыгаш ответил:

„За похвалу твою
Последнюю собаку
Тебе я отдаю“.

Уводит в лес собаку
Семиголовый вор.

И Отыгаш заплакал:

„Отныне пуст мой двор.“

Придет на утро снова

Кровавый Дельбеген,

И я уж не увижу

Своих родимых стен.

А день пройдет — и снова

Нагрянет Дельбеген.

И не увидит больше

Жена родимых стен.

О, дети дорогие,

Я вам наказ даю:

Спасите от злодея

Вы молодость свою!

Когда он из аила

Старуху уведет,

Вы знайте — наступает

Ваш гибельный черед“.

Три волоса он вырвал

Из бороды седой

И старшей дочке отдал,

Сказав: „Возьми с собой!“

Лишь Дельбеген настигнет
В пути опасном вас,
Ты волосы под ноги
Бросай ему тотчас“.

И сутки пролетели.
Лишь брызнул солнца свет,
С обычной похвалою
Приходит людоед.

Со злобою он смотрит
На бедную семью.
„Ну, что, старик, ты дашь мне
За похвалу мою?“

Охотник отвечает:
„Скотины больше нет.
Бери меня, давись ты,
Проклятый людоед“.

„И не таких костлявых
Легко я поедал!“ —
Сказал семиголовый
И старика забрал.

Тогда берет старуха
Заветный батожок.
Сиротам с плачем молвит:
„Я чую смертный срок.

Запомните — при бегстве
Вам будет путь далек.
Возьмите — пригодится
Заветный батожок“.

И сутки пролетели.
Лишь брызнул солнца свет,
С обычной похвалою
Приходит людоед.

Голодными глазами
Он смотрит на семью.
„Ну, что, старуха, дашь мне
За похвалу мою?“

Промолвила старуха:
„Мой будет прост ответ.
Бери меня, давись ты,
Кровавый людоед“.

„И не таких костлявых
Я поедал шутя!“—
Сказал семиголовый,
Старуху уводя.

Весь день тоскуя, плача
Сироты провели.
Вновь закатилось солнце
За дальний край земли.

Дочь старшая приносит
Тогда ведро с водой.
Дочь средняя другое
Наполнила золой.

Кусок засохший сала
Дочь младшая берет.
Ночь по долине сонной
Туманами ползет.

И только за горами
Заголубел рассвет,
С обычной похвалою
Приходит людоед.

Горящими глазами
Он рвет в аиле мглу.
„Что скажете, девицы,
В ответ на похвалу?“

И меньшая сиротка
В ответ: „Пока ищу
Свою одежду, — салом
Тебя я угощу.

Взгляни — какой кусочек.
Открой сильнее рот“.
И Дельбеген, ликуя,
Обещанное ждет.

Но вместо сала шумно
В лицо зола летит,
Бьет кипяток струею,
И людоед кричит.

Бросается на стены,
Не видя ничего.
Стучат о землю глухо
Все головы его.

Пока глаза руками
Он гневно раздирал,
Пока аил обшарил,
Детей и след пропал.

Вспотевший и свирепый,
За ними он бежит.
От страха вянут травы,
Земля под ним дрожит.

Беглянки ближе, ближе...
Уж слышно позади
Тяжелое дыханье
Чудовищной груди.

Тогда сестра постарше,
Смахнувши пот с лица,
Бросает на дорогу
Три волоса отца.

И сразу Дельбегену
Лес закрывает путь.
Деревья хлещут в очи,
В кровь раздирают грудь.

Ломает злобно ветки
Могучий людоед.
Но от беглянок смелых
Остался только след.

И снова догоняет
Чудовище сестер.
Все ближе. Хищно руки
Урод уже простер.

Тогда сестра вторая
Без промедленья, в срок
Бросает материнский
Заветный батожок.

И вмиг крутые горы
Сурово поднялись,
Зубчатыми хребтами
Ушли в седую высь.

И Дельбеген с проклятьем
Полез на перевал.
Бежит он, задыхаясь,
Среди гранитных скал.

В груди огромной сердце
Как молотом стучит.
Сестер нигде не видно,
И людоед рычит:

„На дне морском найду вас!
Пойду на край земли!“
Девуцы в это время
До моря добрели.

„Как море переплыть нам?“ —
Друг другу говорят.
Напрасно ищет лодку
Их беспокойный взгляд.

Куда б ни поглядели —
Везде полно воды.
И плачут сестры: „Кто же
Спасет нас от беды?“

А берегом песчаным
Гулял Кумдус-бобер.
Он слышит причитанья
Измученных сестер.

Он к ним подходит важно.
„Приветствовать вас рад“.
„Кумдус, перевези нас!“ —
Девицы говорят.

Бобер кривые зубы
Оскалил, подбодрясь:
„Красивы ль мои зубы?
Скажите, не таясь“.

И дети отвечают:
„Мы видим хорошо:
Красивы твои зубы,
Как новый гребешок“.

Горбом своим природным
Красуясь меж сестер,
„А как спина?“ — пытливо
Спросил опять бобер.

„Ровней спины не встретить!“ —
Беглянки говорят.
Бобер от счастья млеет,
Потупив скромно взгляд.

Сияет он, кривыми
Ногами семеня.
„А нравятся ль, девицы,
Вам ноги у меня?“

„Таких красивых ножек
Не видел белый свет“, —
Единодушно дети
Бобру дают ответ.

Кумдус бежит в лесочек,
Пять бревен достает
И вмиг сооружает
Хороший, крепкий плот.

На плот садятся дети.
Широк морской простор.
Но смело волны режет
Веслом лихой бобер.

На берег незнакомый
Привозит он сестер.
Уходит плот обратно.
„Спасибо, друг-бобер!“

Кумдус опят гуляет,
Плот в море отпустив.
Седые жодят волны,
О берег бьет прилив.

Тут прибегает к морю
Усталый людоед.
Глядит — детей не видно,
И переправы нет.

Куда ни взглянет — всюду
Вода, вода, вода.
Бобра он замечает,
Кричит: „Кумдус, сюда!“

Кумдус идет, ногами
Потешно семеня,
И слышит грозный голос:
„Перевези меня!“

Бобер кривые зубы
Оскалил, подбодрясь:
„Красивы ль мои зубы?
Скажи-ка, не таясь“.

„Кривые твои зубы
И страшен грязный рот“, —
Кумдусу отвечает
Заносчивый урод.

„Спина моя красива ль?“ —
Спросил опять бобер,
„Спина твоя похожа
На земляной бугор“.

„А ноги как?“ — волнуясь,
Кумдус спросил. В ответ
„Кривые твои лапы“, —
Промолвил людоед.

Бобер, нахмурив брови,
Из веток сделал плот.
„Садись! Мой плот к беглянкам
Дорогу сам найдет.“

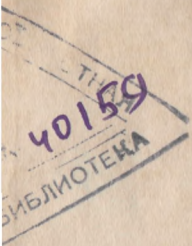
Да только в голенища
Песку насыпь полней
Да камешек на шею
Повесь потяжелей“.

Поспешно в голенища
Урод песку набрал,
Потяжелее камень
На шею привязал,

На плот вскочил. Но мало
Пришлось грести веслом:
Нашел свою погибель
Злодей на дне морском.

О смерти Дельбегена
Прошел по краю слух.
Легко вздохнул кочевник,
Охотник и пастух.

Лишь изредка в аилах
Звучит в вечерний час
О страшном Дельбегене
Волнующий рассказ.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ник. Титов. Шелковая Кисточка</i>	<i>3</i>
<i>Евг. Березницкий. Лиса-сваха</i>	<i>21</i>
<i>Александр Смердов. Боро-Чуда</i>	<i>43</i>
<i>Ник. Титов. Семиголовый Дельбеген</i>	<i>71</i>

Шелковая Кисточка. Новосибирское Областное Государственное Издательство. 1940 г. Индекс х-2-в. Изд. № 52.

Редактор *В. А. Вихлянец*. Техредактор *В. М. Лисина*. Корректоры: *В. К. Герсона*, *С. С. Гайнетдинов*. Художник *В. А. Прожонин*.

Сдано в набор 14/IX-38 г. Подписано к печати 30/VIII-40 г. Формат 60×92/16. Объем: 27¹/₈ бум. л., 5³/₄ печ. л. 5,766 уч.-изд. л., 31,824 тип. знаков в печ. л. Тираж 15.000 экз. МН489.

Цена книги 2 р. 60 к. Переплет 80 к.

г. Новосибирск, типография № 1 Облсполкома, Красный проспект, № 20, Заказ № 3.

